

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Куан С. — Архетипическая литературная критика и интертекстуальность // Философская мысль. – 2023. – № 9.
DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.43571 EDN: XVJEQJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43571

Архетипическая литературная критика и интертекстуальность

Куан Сюпи

кандидат культурологии

аспирант, кафедра культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 5-Я линия в.о., 66

✉ 2322650412@qq.com

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.9.43571

EDN:

XVJEQJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2023

Аннотация: Литературная критика являлась важной частью западной теории литературы в XX веке и не утрачивает важности по сей день. Критика оказывает активное влияние на литературный процесс, а также непосредственно на формирование общественного сознания. В данной статье рассматриваются два важных подхода, принципа литературной критики. Это архетипическая литературная критика и теория интертекстуальности. Архетипическая литературная критика – это теория, которая интерпретирует текст, фокусируясь на повторяющихся в разных литературных произведениях мифологических мотивах и архетипах в повествовании, символах, образах и типах персонажей. Разбор включений интертекста в текст художественного произведения дает основание рассматривать их как один из самых важных приемов в стилистической системе писателя. Способность интегрировать в собственное произведение элементы иного текста и вводить свой текст в общественное сознание называется в рамках этой теории «интертекстуализация». Интертекстуальность – это общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут явно или неявно ссылаться друг на друга разнообразными способами. Стоит отметить, что у архетипической литературной критики и теории интертекстуальности есть глубокие внутренние теоретические связи,

сводящиеся к трем основным пунктам: это литературные повторы, общие взгляды на литературу и рассмотрение литературы как хранилища памяти. Хотя эти теории и возникли в эпохи разных культурно-исторических парадигм – структурализма и постструктурализма, они имеют много общего с позиций коннотации. Будучи разными теоретическими системами литературной критики, архетипическая критика и интертекстуальность тесно связаны наличием психологической критичности. В настоящей статье проводится поиск сходств между двумя указанными системами в указанных трех аспектах и обосновывается их теоретическая связь, что доказывает взаимодополняемый характер этих двух теорий.

Ключевые слова:

литературная критика, мифологическая литература, архетип, интертекстуальность, повторение, целостность, литература как память, психологическая критичность, сходство, теория литературы

Культурный текст в широком смысле понимания термина «текст» – один из ключевых феноменов, на которых строится культура, в частности художественная культура. Для анализа культурных текстов социогуманитарными науками было выработано огромное количество теоретико-методологических инструментов, среди которых важнейшее место, по нашему мнению, занимают два: теория архетипов с тесно связанной с ней архетипической критикой и теория интертекстуальных связей. Представляется интересным установить характер взаимоотношений между этими двумя теоретическими системами.

Объектом настоящего исследования являются архетипическая критика и теория интертекстуальности. Предмет исследования – предполагаемое идейное родство между архетипической критикой и теорией интертекстуальности.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ обеих теоретических систем, доказать, что теория интертекстуальности в каком-то смысле может считаться новой итерацией архетипической критики; дальнейшая цель – показать, что для создания культурных текстов, призванных заинтересовать широкую публику, следует пользоваться средствами, предоставляемыми теорией архетипов, и механизмами интертекстуальности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- дать определение интертекстуальности и архетипической критике;
- установить сходства и различия между этими двумя теоретическими системами;
- доказать, что теория интертекстуальности восходит к положениям архетипической критики.

Архетипическая критика мифа может считаться ответвлением структурализма потому, что обе этих теоретических перспективы основываются на посыле мыслить о вещах с точки зрения тотальности их взаимосвязей. Термин «интертекстуальность» был впервые употреблен Ю. Кристевой в статье «Бахтин: слово, диалог и роман» (1967); в ней исследователь пишет: «Интертекстуальность – социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [\[7\]](#). Некоторые исследователи, к примеру М. Н. Липовецкий [\[8\]](#), относят явление интертекстуальности исключительно к постмодернистским текстам,

однако в рамках данной статьи мы будем считать, что осознание интертекстуальной природы текста, пришедшее с идеями постмодерна, все же не является ключевым фактором исключительно этой культурной парадигмы.

Термин «архетип» впервые был введен в научный обиход Карлом Густавом Юнгом (1875 – 1961), однако Юнг не является автором самого этого слова. Термин «архетип» появляется еще у Филона Александрийского; допустима мысль о его влиянии на Плотина. В своей работе «Архетип и символ» Юнг писал: «Выражение "архетип" встречается уже у Филона Иудея по отношению к бессознательному в человеке». Упомянем также и Иринея, в сочинении которого говорится: «Творец мира не из самого себя создал это, он перенес из посторонних ему архетипов». В Библии Бог называется "Изначальный свет". У Августина же слово «архетип» хотя и не встречается, в соответствующем значении употребляется слово «идея»: так, Августин говорит об идеях «которые сами не созданы, которые содержатся в божественном уме». Так же об «идеях» говорил и Платон. Но термин «архетип» будет более точным и полезным для целей нашего исследования; используя его, можно убедительно обосновать, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы будем иметь дело с древнейшими, или, лучше сказать, изначальными типами, т. е. общими для всей человеческой культуры образами, существующими с начала времен. Во все эпохи говорится примерно об одном и том же: уже примитивные воззрения людей эпохи родоплеменного строя основывались на слегка видоизмененных архетипах. Но это было уже не вполне «коллективным бессознательным»: эти воззрения уже обрели умопостигаемые формы и передавались при помощи традиционного обучения или в виде тайных учений, что являлось типичным способом передачи коллективно значимой информации, берущей начало в бессознательном ^[12]. Однако, в отличие от «идей» Платона, якобы существующих объективно вне человеческого сознания, архетипы по Юнгу являются феноменами сугубо психологическими; понимание данного факта крайне важно для осмысления его воззрений в целом.

Мысль Юнга как продолжателя психоаналитической школы возникла не на пустом месте; она восходит к трудам его учителя Зигмунда Фрейда (1856 – 1939), или, что будет точнее, представляет собой полемический тезис по отношению к его идеям. Юнг не соглашался с положением Фрейда, согласно которому искусство есть результат сублимаций личного вытесненного желания художника, а желание является источником и мотивацией творчества; Юнг же считал, что источником творчества является «коллективное бессознательное». Это некий универсальный комплекс мыслей и тезисов, который не может быть приписан личному опыту, зависит от наследственности и сформирован многовековым накоплением опыта нашими предками. Первоначальные образы, которые присутствуют в коллективном подсознании, и называются коллективным бессознательным, а содержанием коллективного бессознательного являются так называемые архетипы.

Юнгианский термин «архетип», таким образом, полностью завязан на теории коллективного бессознательного, эти концепты неразделимы. Архетип является базовой структурой коллективного бессознательного – точно так же, как инстинкт.

Поскольку человеческая культура есть продукт развития духовного мира человека, то, несомненно, будет целесообразно рассматривать развитие искусства с позиций психологии. Вклад Юнга заключается во введении в оборот понятия коллективного бессознательного, которое сокрыто в глубине человеческих душ, невидимо и неосознано, а потому и не замечается людьми; архетипы настолько часто проявляются в

нашей повседневной жизни, что мы привыкаем к определенным повторяющимся образам до такой степени, что перестаем их распознавать. С точки зрения Юнга, архетипы — это типичные паттерны понимания, и всякий раз, когда мы сталкиваемся с универсально последовательными и повторяющимися паттернами понимания, мы имеем дело именно с архетипами.

Одним из ключевых моментов, подчеркивающихся в теории архетипической критики, является идея повторения. И здесь явно прослеживается связь архетипической критики Нортропа Фрая с теорией архетипов Юнга. Фрай использовал термин «архетип» для обозначения литературного символа или группы литературных символов, к которым апеллируют авторы, чтобы найти отклик у аудитории, поскольку архетипы с неизбежностью вызовут у нее эффект узнавания и чувство вовлеченности. Архетипическая литературная критика – это критическая теория, которая интерпретирует текст, сосредоточиваясь на повторяющихся мифах и архетипах. Например, архетипический герой древнекитайской мифологии Нэчжа являлся одним из самых «популярных» богов, живущих среди людей. Литературные произведения о Нэчже создавались уже в эпоху династии Сун. Окончательный образ этого персонажа оформился в классическом мифологическом сборнике, содержащем «предания о богах трех религий» (三教搜神大全), который был создан в эпоху династии Юань. В дальнейшем описание образа Нэчжи совершенствуется и дополняется в таких романах, как «Фэн шэнь янь» (封神演义), «Путешествие на Запад» (西游记), «Путешествие на юг» (南游记) и др.; в последнее время, с развитием техники, Нэчжа стал героем ряда фильмов и мультфильмов. Его можно считать типичным архетипическим героем: хотя его характер несколько разнится в зависимости от эпохи и личности автора произведения, сам образ персонажа постоянно воспроизводится в китайской культуре, благодаря чему он стал ее частью.

В своем труде «Анатомия критики» Фрай писал: «Мифы о богах перерождаются в легенды о героях, легенды о героях – в сюжеты трагедий и комедий, а последние – в сюжеты более или менее реалистической литературы. Но мы имеем здесь дело больше с изменением социального контекста, чем литературной формы, что конструктивные принципы повествовательного искусства остаются неизменными, хотя, разумеется, и приспособляются к новым эпохам» [\[10\]](#).

Утверждение Н. Фрая о мифах подразумевает, что, хотя разные мифы и произведения художественной литературы (смещенные мифы) имеют разный облик, все они содержат в себе один и тот же паттерн.

Н. Фрай рассматривает мифы и архетипы с более широкой, чем Юнг, точки зрения, он сосредоточивается на критическом методе прослеживания появлений символа в литературных произведениях как до, так и после рассматриваемой им работы. Фрай утверждает, что склонность следовать конвенциям является жизненно важной частью литературы и что авторское право вредно для процесса литературного творчества.

Повторение также является важным элементом теории интертекстуальности. Для интертекстуальности повторение отнюдь не сводится к тому, что один текст «поглощает» и трансформирует другой. Литература — это передача информации, и именно потому, что ее нужно повторять, ей нужно адаптировать одно и то же к восприятию разных людей разных эпох. Эту задачу призваны решать конкретные формы литературной интертекстуальности: заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, парафраза, подражание, пародия, экранизация, использование эпиграфов и т. д. [\[5\]](#).

Эти приемы придают литературе процессуальный характер, благодаря чему литература, как и история, непрестанно движется вперед. В каком-то смысле это не просто повторение – его можно уподобить новым побегам, вырастающим из старых ветвей. Цитата как интертекстуальный прием также является разновидностью повторения; цитирование и мозаика из уже написанного текста в тексте новом побуждают говорить о литературе как воспоминании, которое будет актуально для будущих поколений авторов.

Именно путем этого воссоздания, основанного на повторении, автор утверждает авторитет своих предшественников и выделяет самого себя. В интертекстуальности наиболее заметным и часто используемым приемом является цитата, определяемая как повторение одного дискурса в рамках другого дискурса [11]. Однако стоит подчеркнуть, что такого рода повторение не является просто повторным появлением: с одной стороны, появление старых материалов в новом контексте сохраняет следы прежнего текста и условий его появления, а с другой — порождает новые идеи в новом контексте. Можно видеть, что повторение является основной характеристикой литературы, и в этом вопросе интертекстуальность и архетипическая теория сходятся друг с другом.

В книге «Анатомия критики» Н. Фрай подробно излагает свою точку зрения на литературу в целом, описывая закономерности эволюции литературных типов и их общность. Произведения художественной литературы следует изучать с учетом культурного и социального фона их возникновения, то есть их необходимо рассматривать не как «вещь в себе», а в широком литературном и общественном контексте, в макроперспективе. Фрай обращает внимание на необходимость прослеживания связи конкретных произведений с общим литературным опытом, на необходимость учета глубинной литературной истории. При этом глубины истории литературы, по Фраю, можно проследить вплоть до элементов первобытной культуры, таких как религия, ритуалы, колдовство, мифология; то, что предшествует всем образцам и правилам литературного выражения, можно обнаружить уже в сознании древнего человека.

Фрай рассматривает мифы и ритуалы как следы накопления первобытного опыта и архетипических образов, он считал, что литература есть выражение мифических ритуалов, возрождение и воскрешение древних мифов.

Также Фрай выдвинул знаменитый исследовательский метод «шаг назад» (step back), требующий при анализе литературных произведений фокусироваться на том, что ему предшествовало, макроскопически схватывать структуры и модусы произведения. Несомненно, что он открыл широкое поле мыслительного пространства для литературной критики. Критическая точка зрения Н. Фрая, подчеркивающая целостность и взаимосвязь литературных произведений, тесно связана со взглядом теории интертекстуальности на литературу как на взаимосвязанные между собой тексты. Поэтому подход Фрая очень близок к теории интертекстуальности, предложенной Ю. Кристевой. По Ю. Кристевой, интертекстуальность — это безграничный, бесконечный текст, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [6]. И. В. Арнольд сходным образом определяет интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1].

Но Н. Фрай, как и Ю. Кристева, уже описал связь между литературными произведениями в виде подражания, цитирования, трансформаций и референций; по Фраю, любой текст существует в рамках интертекстуальности и представляет собой результат поглощения и трансформации других текстов. Любой текст – мозаика из явных и неявных цитат. Но это

и есть интертекстуальность в действии, которая рассматривает литературу как тексты в их соотношении, а не как совокупность текстов, существующих по отдельности друг от друга.

Стоит отметить, что в литературной традиции текст всегда рассматривается как состоящий из ряда элементов, и его смысл складывается из взаимодействия этих элементов между собой и с феноменами, существующими вне данного текста.

И архетипическая критика Фрая, и интертекстуальность Кристевой рассматривают литературу как своего рода память, в связи с чем любое литературное произведение представляет собой вторичный продукт, подражание, в этом смысле вся литература вторична по определению. Соотношение подражания и новаторства в произведениях искусства для литературы всегда было центральной проблемой. Известно, что интертекстуальность подразумевает «воспоминания» автора не только о жизни, но и о произведениях, созданных писателями ранее. В этом смысле вся литература соткана из цитат. Ж. Женетт рассматривает интертекстуальность как одну из разновидностей более широкого понятия «транстекстуальность», под которым понимается «все то, что включает [данный текст] в явные и неявные отношения с другими текстами» [4]. Здесь речь идет в том числе и о влиянии памяти писателя о своих прошлых произведениях на его нынешнее творчество. Новые работы всегда обнаруживают некую ностальгическую связь с предыдущими работами, а новации могут существовать только на фоне уже использованных приемов. Говоря образно, последние творения – это «новые билеты на старые корабли».

Литература как отражение духовного мира человека не может выйти за пределы человеческой психологии и памяти; в этом отношении психология определяет все. Память как психологический механизм – вечная константа, за пределы которой литература никогда не выйдет.

В своё время М. М. Бахтин писал: «Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться и обновляться в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [3].

Уникальная роль интертекстуальности заключается в том, что старые темы благодаря ней входят в новый цикл своего существования; читатели даже с небольшим литературным опытом не будут отрицать наследственности литературы. Подтверждение этому можно найти в трудах Ролана Барта. Он писал: «Понятие интертекста придает теории текста социальный объем: весь язык в целом, как предшествующий, так и современный, поступает в текст, но поступает не путем опознаваемой филиации или сознательного подражания, но путем диссеминации» [2]. Однако источник можно определить и с помощью филиации; важно, тем не менее, то, что мы имеем дело с источником не тогда, когда обнаруживаются сходства между двумя и более текстами, а тогда, когда «писатели непосредственно повторяют друг друга». Интертекстуальность предполагает принципиальную подвижность самого литературного творчества, транспонирующего предшествующие высказывания на новую почву.

Таким образом, архетипическая критика и теория интертекстуальности – это безусловно две самостоятельных теоретических системы, существующие в русле разных научно-

философских парадигм, однако у них есть немало общего. Прежде всего, их связывает трактовка произведений культуры главным образом как порождения человеческой психики. Далее, нельзя не отметить, что оба направления мысли оперируют поиском общих черт у различных культурных текстов, концентрируются на повторении, постоянном воспроизведении мотивов. Источником повторяющихся мотивов в рамках архетипической критики служит коллективное бессознательное, а в рамках теории интертекстуальности – корпус уже созданных текстов как отдельный, самостоятельный феномен, однако вне зависимости от предполагаемого источника автор – сознательно или бессознательно – выступает как хранитель и ретранслятор памяти человечества. В какой-то степени обе теории ставят под вопрос возможность порождения новых, оригинальных идей, однако не стоит забывать о том, что любой классический мотив, помещенный в новый контекст, способен заиграть новыми красками, неожиданно раскрыть свой идейный потенциал с новой стороны.

Произведения современной литературы в разной степени раскрывают подражательный характер литературного творчества, обнаруживая характеристики вторичности. Человечество живет традициями, и любое нововведение в определенной степени можно рассматривать лишь как «прорыв в прошлое». Наследие и новаторство всегда являются двумя сторонами литературного процесса. Позднейшие писатели, сформировавшиеся в рамках великой традиции, неизбежно будут находиться под влиянием предшествующих им произведений и писателей. Влияние прошлого существует в сердце и голове писателя как память, подводное течение, готовое проявиться в любой момент. И в нужный момент она выходит из-под пера писателя, становясь неотъемлемой частью нового произведения.

Подобная точка зрения подтверждает слова Екклесиаста о том, что нет ничего нового под солнцем, – все «новые идеи» имеют под собой архетип.

Библиография

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 1999. – 444 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 417.
3. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.
4. Женнет Г. Палимпсесты: Литература во второй степени. – Париж, 1982. – 350 с.
5. И.И.Ильин. Интертекстуальность. Наука, 1985. – 208 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – №1. – С. 97-124.
7. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004.
8. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики) / М.Н. Липовецкий. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ин-т, 1997.
9. Пьего-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьего-Гро.-М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
10. Фрай Н. Анатомия критики [очерк первый] // Зарубежная эстетика и теория литературы. С. 249.
11. Функции интертекстуальности // <http://www.fixed.ru/prikling/intertekst/funkcii.html> (дата обращения 24.02.2023)

12. Юнг, К.Г. Концепция коллективного бессознательного // Издание на русском языке AST Publishers, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философская мысль» автор представил свою статью «Архетипическая литературная критика и интертекстуальность», в которой проведено исследование двух основных подходов к анализу культурного текста: архетипической критикой и теория интертекстуальных связей.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что для анализа культурных текстов социогуманитарными науками было выработано огромное количество теоретико-методологических инструментов, среди которых важнейшее место занимают теория архетипов вместе со связанной с ней архетипической критикой и теория интертекстуальных связей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что культурный текст представляет собой один из ключевых феноменов, на которых строится культура, в частности, художественная культура. Научная новизна исследования состоит в сравнении указанных методов. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, функциональный и компаративный анализ. Теоретической основой исследования выступают труды таких известных исследователей как К.Г. Юнг, Г.Н. Фрай, Ю. Кристева, Р. Барт и др.

Соответственно, цель данного исследования заключается в анализе обеих теоретических систем, доказать, что теория интертекстуальности в каком-то смысле может считаться новой итерацией архетипической критики; дальнейшая цель – указать, что для создания культурных текстов, привлекательных для публики, следует пользоваться средствами, предоставляемыми теорией архетипов и механизмами интертекстуальности. Объектом настоящего исследования являются архетипическая критика и теория интертекстуальности. Предметом исследования является предполагаемое отношение идейного родства между архетипической критикой и теорией интертекстуальности. Для достижения поставленной цели автор ставит следующие задачи: дать определение интертекстуальности; дать определение архетипической критике; установить сходства и различия между двумя теоретическими системами; доказать, что теория интертекстуальности уходит корнями в архетипическую критику.

Опираясь на концепцию К. Юнга, автор раскрывает понятие и сущность архетипа, который характеризуется двумя ключевыми моментами: архетип подразумевает мифический образ, совокупность этих образов составляет коллективное бессознательное; внешняя форма проявления архетипа может быть очень разной, но суть архетипы всегда повторяются.

Взяв за основу труд «Анатомия критики» известного канадского филолога и исследователя мифологии Г.Н. Фрая, автор анализирует возможность применения архетипической критики в литературе. Архетип в литературном тексте является семантической ассоциацией, которая повторяется в произведении и имеет конвенциональное и единое символическое значение. С точки зрения автора, архетипическая критика представляет собой схватывание закономерностей общности и эволюции литературных типов в целом, причем при анализе и исследовании литературных произведений следует обращать внимание не только на жанровую модель, но и на внутренние мотивы произведения. Произведения следует изучать в

соответствующих фоновых и смежных областях, то есть без отрыва от культурного контекста.

Автор уделяет внимание сравнению теорий Г.Н. Фрая и К.Г. Юнга в части раскрытия сущности мифа и архетипа, отмечая при этом, Н. Фрай рассматривает мифы и архетипы с более широкой точки зрения, он сосредотачивается на критическом методе прослеживания наследия символа в литературных произведениях как до, так и после рассматриваемой работы.

Опираясь на теории интертекстуальности, предложенные Ю. Кристевой и И.В. Арнольд, автор определяет любой текст как мозаику, трансформацию предыдущих текстов. Следовательно, как утверждает автор, литература — это передача информации, которую необходимо адаптировать к восприятию разными людьми. Автором выделены следующие формы литературной интертекстуальности - заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, парафраза, подражание, пародия, экранизация, использование эпиграфов, которые предназначены для вторичного моделирования культурного текста.

На основе проведенного анализа, автор выделяет положения, сходные как для архетипической критики, так и для теории интертекстуальности, а именно: и архетипическая критика, и интертекстуальность рассматривают литературу как своего рода память, вторичное творчество или вторичное подражание. Теория интертекстуальности рассматривает литературу и как непосредственно память автора о воспринимаемых им феноменах природной и социальной жизни, и результаты его восприятия опыта предыдущих писателей. Как отмечено автором, две самостоятельные теоретические системы литературной критики, архетипическая критика и интертекстуальность тесно связаны, поскольку обе они имеют психологическую критичность.

Проведя исследование, автор представляет выводы, обобщающие изученный материал. Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение имеющихся подходов и критериев анализа культурного текста представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 12 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании. Однако статья нуждается в редакторской правке, так как незавершенность и нелогичность многих предложений затрудняет понимание идей автора. Также в тексте статьи имеется посторонняя информация, комментарии третьих лиц.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье ставится задача проследить взаимосвязь двух широко распространённых в современных философских и гуманитарных исследованиях понятий – «архетипа» и «интертекстуальности». Конечно, реально автор рассматривает заявленную тему далеко не в полном её объёме. В центре его внимания находятся лишь взгляды Н. Фрая, канадского литературоведа, до сих пор не слишком хорошо известного широким кругам отечественных читателей. Статья способна внести определённый вклад в преодоление этого пробела, и уже это обстоятельство побуждает внимательно отнестись к ней. Н. Фрай акцентирует внимание на повторяющихся в истории культуры сюжетах, приписывая им структурное (архетипическое) значение. Впрочем, эта мысль многократно обсуждалась и многими другими литераторами или философами до и после него, и в некоторых случаях представляется просто необъяснимым, например, как можно было написать подобную статью, не упоминая Борхеса. При этом сам автор статьи, к сожалению, избегает обсуждения вопроса о причинах, глубинных основаниях, этого давно известного философам, литературоведам, да и всем деятелям культуры, феномена, в чём, думается, и состоит в действительности глубинный интерес заявленной им темы. В самом деле, в статье лишь воспроизводится тезис о взаимосвязи двух указанных понятий, с чем, разумеется, спорить невозможно. По-видимому, с описательностью статьи, недостатком в ней аналитической составляющей связано и то, что некоторые из заявлений вообще звучат довольно банально и вряд ли заслуживают своего места в статье научного характера. Собственно, таким является уже первое предложение: «Культурный текст в широком смысле понимания термина «текст» - один из ключевых феноменов, на которых строится культура, в частности, художественная культура». Да, разумеется, но подобные почти тавтологические высказывания ни самого автора не побуждают к продуктивному рассмотрению темы, ни читателя – к ознакомлению с предлагаемым ему материалом. То же самое можно было бы сказать и о концептуальной или стилистической неуместности многих заявлений. Например, начало второго предложения выглядит так: «Для анализа культурных текстов социогуманитарными науками было выработано огромное количество теоретико-методологических инструментов...». Ну зачем здесь «огромное», следовало пользоваться совсем другим «словарём»! А чуть ниже наталкиваемся на «... для создания культурных текстов, привлекательных для публики...». «Привлекательность для публики»? Мы стремимся к поглощению философских дискуссий массовой культурой? К сожалению, подобных мест в рецензируемом материале немало. К тому же, в статье излишне пунктуально написана «формальная часть», можно, конечно, сообщить читателю о цели и задачах предлагаемой статьи, но вряд ли уместно воспроизводить стандарт автореферата. Излишне много места занимает и воспроизведение в тексте общеизвестной информации (о Юнге, Фрейде, происхождении «интертекстуальности» и «архетипа» и т.п.). Непонятно также, зачем автор воспроизводит китайские названия упоминаемых им произведений, - специалистам они наверняка знакомы, а для тех, кто с китайским языком незнаком, они ничего не говорят. Подводя итоги, следует сказать, что статья имеет определённые перспективы публикации в научном журнале, однако, состояние представленного текста не позволяет в настоящий момент принять подобное решение (возможности продолжения работы благоприятствует и небольшой объём материала – чуть более 0,4 а.л.). Предлагаю отправить рецензируемую статью на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Архетипическая литературная критика и интертекстуальность», предлагаемая к публикации в журнале «Философская мысль», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам литературной критике и феномена интертекстуальности, прецедентности текстов.

Интертекстуальность как феномен является объектом изучения не только филологии, но и других гуманитарных наук.

Цель данной статьи, по заявлению автора, провести сравнительный анализ обеих теоретических систем, доказать, что теория интертекстуальности в каком-то смысле может считаться новой итерацией архетипической критики; дальнейшая цель – показать, что для создания культурных текстов, призванных заинтересовать широкую публику, следует пользоваться средствами, предоставляемыми теорией архетипов, и механизмами интертекстуальности.

Несмотря на философскую направленность, отметим, что работа приносит определенный вклад в развитие, в том числе, как общей теории языкознания, так и частной.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Отметим, что в отечественной лингвистике данное направление было заложено еще в работах И. В. Арнольд в русле «стилистики декодирования».

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. К сожалению, автор не указывает объем практического материала для проведения исследования, а также методику и принципы его отбора.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы представлены исключительно на русском языке, в том числе переведенные. Считаем, что обращение к современным трудам зарубежных исследователей на иностранном языке по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно источник 5.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения

рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Архетипическая литературная критика и интертекстуальность» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.